

НАТАША АЙВЕРС

22
ЕЕ МЕЧЕНЫЕ

18+

Наташа Айверс

Её Меченые

<https://litres.ru/74397147>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один взрыв и всё, что было — спутники, системы, города, — исчезло. Теперь мир — выжженные руины, заражённые зоны и мутанты, которых клеймят. Меченые — люди, которые после Вспышки обрели нечеловеческую силу, но расплачиваются за неё медленной смертью.

Ася с рождения жила в укрытии. Восемнадцать лет родители прятали, учили, оберегали её и говорили, что она особенная. Но когда они исчезли, ей пришлось выйти в этот мир, где доверие — роскошь, а жизнь — товар.

Её кинули на арену, где под крики толпы друг друга рвут они — Меченые. Безумные. Обречённые.

И только один вопрос грохочет в её голове, заглушая рев трибун:

Как быстро она умрёт?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наташа Айверс

Её Меченые

Пролог

Первое, что я услышала, когда пришла в себя, — восторженный рёв толпы в предвкушении кровавого зрелища. Я широко распахнула глаза, не желая умирать в темноте: где-то далеко прогремел очередной взрыв. Секунду спустя задрожал пол, с потолка посыпалась пыль, и я услышала как кто-то заорал:

— Ставки! Принимаем ставки!

Я сидела на холодном бетоне, руки были связаны за спиной, губа разбита, на языке — солёный привкус крови.

По ту сторону решётки раздавались грохот, хрипы и крики. Меченые рвали друг друга, как звери, без пощады. Кровь брызгала во все стороны. Хрустели кости — толпа взрывалась восторженными аплодисментами, пока с арены уносили то, что осталось от предыдущей «жертвы».

Я — следующая.

Меня подхватили под мышки, вытолкнули на арену и швырнули на влажный и холодный песок, как падаль. Я подняла взгляд вверх. Вокруг арены тянулась металлическая решётка, за которой ярус за ярусом уходили ввысь трибу-

ны. Люди сверху скандировали, махали руками, смеялись. Некоторые подались вперёд, как будто боялись пропустить момент моей смерти.

А в центре арены стояли они. Меченые.

Все трое были огромными, мышцы бугрились, будто вот-вот прорвут кожу. Тот, что посередине, был самым массивным. Его чёрные волосы сбились в колтуны, грудь покрывали шрамы, в руках — тяжёлые цепи. Справа от него стоял блондин с короткой стрижкой. Вокруг него воздух дрожал, словно искажался от жара, что исходил от его тела. Слева — мрачный, неподвижный гигант, по всему телу которого проступали тёмные, почти чёрные вены.

Все трое — машины убийств. Что я знала о мутантах? Их регенерация была быстрее, чем у меня. Тогда почему грудь у того, что посередине, так и осталась в шрамах?.. И ещё — у них у всех должна была быть метка. Такая же, как у того, которого папа убил в лесу.

Но самое страшное — даже не это. Самое страшное — их глаза, одинаково пустые, чёрные, как бездна.

Они убьют меня. Мне, конечно, развязали руки, и я буду сопротивляться, но что я могла сделать против этих монстров?

— Двигайся, девчонка, кричи, проси пощады, — прошипел голос судьи. — Зрители не любят, когда добыча молчит.

Я не двигалась. В меня ткнули палкой с острым наколечником, видимо, по приказу судьи. Я почувствовала, как

острие легко вошло в бок, прокалывая кожу, и кровь потекла по бедру. Я дёрнулась от боли, дыхание перехватило, на одно мгновение потемнело в глазах, но мне удалось сдержать крик боли. Да, я здесь сегодня, скорее всего, умру, но устраивать им спектакль с истериками я не намерена.

Самый крупный Меченый сделал шаг ко мне: один, затем второй. Он дышал тяжело. Я как замороженная смотрела, как жилы у него на шее вздувались, будто канаты... Каждое его движение — как у зверя, который оценивал добычу по запаху, а не глазами. Он принюхивался, щурился, разглядывая меня, словно пытался понять, что перед ним. Я была меньше них по размеру, но не настолько же, чтобы он мог меня не заметить. Его язык мелькнул между зубами — он медленно облизал губы. Меня обдало холодом. Они что — едят себе подобных? Людей? Или... он просто пробовал мой запах на вкус?

И вдруг он замер. Второй тоже сделал полшага вперёд и окаменел на месте, как будто ударился о невидимую стену.

Только блондин отреагировал иначе. Он словно встряхнулся, отступил на шаг назад, прикрыл глаза, а когда открыл их снова, я увидела в голубых радужках не ярость, а хищный голод.

Это длилось всего секунду.

Я вскочила на ноги.

Толпа взорвалась восторженным визгом от предвкушения зрелища и крови. Сверху в меня полетела бутылка; она раз-

билась о решётку, и мелкие острые осколки осыпали меня, оставляя царапины и красные дорожки крови на коже. Зрители аж завyli от радости, хохоча и выкрикивая ставки.

Но всё заглушил нечеловеческий рык самого крупного Меченого, который внезапно бросился на меня. Двое других почти синхронно прыгнули следом.

Песок под их ногами буквально разлетелся в стороны, как от ударной волны. Меня затрясло: то ли от адреналина, то ли от ужаса.

И всё же я продолжала смотреть в глаза своему убийце. Интересно... как быстро я умру?

От автора

Дорогие читатели,

Эта книга не похожа на мои прежние — она значительно мрачнее и делает акцент не на романтике, а на выживании и внутренней борьбе.

Она — о мире, где слишком легко потерять себя и сложно оставаться человеком.

Когда моя жизнь пошатнулась, вдохновение ушло, новые тексты будто перестали рождаться, и это было страшно — словно слова и образы действительно исчезли, оставив в голове пустоту.

Как ни парадоксально, именно эта история — тяжёлая и хватающая за душу, как оголённый нерв — вернула мне голос и желание писать. Пока я пишу о боли героини, я проживаю свою. Наблюдая, как она пытается выжить в мире, ко-

торый рушится, я постепенно нахожу силы идти дальше. А следом наконец ожили и другие мои истории.

Думаю, именно такая книга мне и была нужна: резкая, болезненная, но всё же не лишённая света и любви.

Жанр — альтернативная история, постапокалипсис, много мужество.

Но в центре — всегда человек и то, что позволяет ему оставаться человеческим, даже тогда, когда мир вокруг трещит по швам.

Глава 1

Ася, 5 лет

На кухне пахло вишнёвым вареньем. Мама поставила на стол миску с бинтом и шприцом, а я сидела на табуретке, опираясь локтём на клеёнку с голубыми цветочками. Один цветочек в уголке так и остался немного жёлтым — это я пролила йод, когда была маленькой, и хорошо это помнила.

— Мама, я больна? — спросила я, подтягивая носок, который почти сполз с пятки.

Мама подняла глаза. Светло голубые, как небо.

— Нет, доченька. С чего ты взяла?

— Ты всё время кровь берёшь... — я потрогала вчерашний пластырь на сгибе локтя, — и иногда хмуришься... Вот как сейчас.

Мама затянула жгут, я сжимала и разжимала кулак, пока в пальцах не начало покалывать — это значило, скоро будет иголка.

— Нет, солнышко, — мама наклонилась ближе, чтобы я видела её глаза. — Ты не больна. Я просто проверяю, как ты растёшь.

— Почему?

— Чтобы знать, что ты сильная.

Она погладила меня по щеке.

— Ты у меня особенная девочка. И я должна быть увере-

на, что с тобой всё в порядке.

Я кивнула. Мама гладила место на руке ваткой, пахло спиртом и немного щипало. Я смотрела на лампочку, чтобы не видеть как мама прокалывала кожу. Она сказала «сделай глубокий вдох», я считала до десяти в голове — и вот всё закончилось.

— Умничка, — прошептала мама. Она наклеила пластырь, а пробирку поставила в холодильник, тот в котором «не еда», а лекарства.

Я смотрела как мама прибирала со стола, ёрзала на стуле и наконец решилась задать самый главный вопрос:

— Мам... а мы сегодня будем играть в прятки?

Мама замерла и тяжело вздохнула:

— Не будем, — наконец ответила она.

— Правда?.. Спасибо, мамочка! — я спрыгнула с табуретки и обняла маму за талию, прижавшись щекой к её свитеру. Он немного колотся, но мне было всё равно. Главное — прятки не будет.

Играть в прятки мне вообще-то нравилось. Правила проще некуда: нельзя плакать, нельзя звать маму и папу, нельзя выходить, пока папа не даст сигнал.

Сигналом служил рожок. Папа дул в него, и рожок делал «бу-у-у» так громко, что у меня в груди всё вибрировало. Обычно папа дул один раз, но если я не вылезала, делал это снова и снова.

Но вчера...

Всё началось как обычно. Когда мама сказала, что сейчас будем играть в прятки, я юркнула в каморку под лестницей, отодвинула доску у задней стены и поползла в темноту. Это место — только моё, потому что взрослые туда не пролезали: им плечи мешали. А мне там было удобно. Темно и тихо, но эта темнота меня не пугала.

Внутри у меня лежали два одеяла: нижнее кололось, зато грело, а верхнее оставалось мягким и пахло мамой. В углу стоял ящик — в нём лежали бутылки с водой (иногда приходилось долго ждать) и железная коробка с печеньем. Я всегда ела понемножку, чтобы печенье не закончилось до конца игры.

А в дальнем углу стояло ведро с крышкой. Я старалась на него не смотреть. Однажды мама с папой разбудили меня ночью, чтобы поиграть, и пока я ждала сигнала, мне так захотелось в туалет, что описалась. Я тогда думала, что мама рассердится, но она похвалила меня, дала мне ведро, объяснила, как его использовать, и велела отнести в мой тайник. С тех пор ведро тоже стало «частью игры».

А ещё у меня лежал фонарик-брелок. Маленький. Он светился слабым жёлтым светом, если нажать посередине. И тогда я могла видеть в темноте. Но я включала его только на секунду, чтобы убедиться, что он работал, и клала обратно в ящик — берегла батарейку.

Вчера, после того как я спряталась, всё шло как всегда: я сидела, не издавая ни звука, и слушала грохот сверху — мама

с папой двигали мебель, кричали, роняли что-то тяжёлое на пол. Папа гремел чем-то железным, наверное... кастрюлями, только намного громче, чем обычно.

Иногда казалось, что кто-то плачет, но я была уверена, что это мама делала вид, что расстроена, чтобы проверить, вылезу ли я. А я не хотела вылезать, потому что тогда я проиграю. Я хотела выиграть, чтобы папа сказал мне «молодец».

Было скучно. Сначала я считала до самого большого числа, какое знала. Потом слушала, как у меня в животе бурчало. Потом я поела печенье и попила воды. Я всегда старалась не пить слишком много, потому что ведро, конечно, стояло рядом, но через время всё равно начинало вонять даже с закрытой крышкой, а потом ещё мама заставляла его тащить наружу, чтобы помыть — бе-е-е.

Шум наверху давно затих, но сигнала всё ещё не было.

И я уснула.

Когда я проснулась, было тихо. Не слышно было ни шагов, ни криков, ни хлопанья дверей. Но и сигнала не было.

Я лежала и ждала. Так долго, что перестала понимать, день сейчас или ночь.

Потом я снова уснула.

Когда проснулась во второй раз — сигнала всё равно не было.

Я подумала: может, папа дул, а я так крепко уснула, что проспала? Но папа же говорил, что нельзя вылезать раньше сигнала.

И тогда я решила выглянуть, совсем чуть-чуть. Не чтобы вылезти, а просто проверить, всё ли там у них в порядке.

Я выбралась из-под лестницы на карачках и тихо поползла в сторону кухни. Там тоже никого не было. Я аккуратно выглянула из-за угла. Входная дверь была открыта.

На пороге сидела мама. В этот раз она не делала вид — она и правда плакала, закрыв лицо ладонями. А папа...

Папа поливал крыльцо водой из ведра.

Я подумала: наверное, они просто потеряли меня, вот мама и переживает. Если я покажусь — она сразу перестанет плакать.

Я встала и пошла к выходу.

Вот только когда я подошла ближе и папа поднял голову...

Он совсем не обрадовался, что я нашлась. Он бросил ведро, подбежал ко мне, схватил, его пальцы больно впились в мои плечи. Он закричал мне прямо в лицо:

— Я сказал ждать сигнала!

Я испугалась так сильно, что ноги задрожали. Я не понимала — я же всегда всё делала правильно. Я ждала. Но игра была слишком долгой, а папа всё никак не дул в рожок, поэтому я...

— Ты никогда не выходишь без разрешения, поняла?! — он затряс меня, так что зубы застучали и тут к нему подскочила мама.

Её голос был хриплый:

— Хватит, хватит... Саша, Сашенька, успокойся. Ты пу-

гаешь её... Всё закончилось, слышишь.

Она хватала его за руки, а потом за лицо, целовала его, гладила по голове. Губы у неё были белые, а глаза красные.

Когда папа отпустил меня, мама присела на корточки и крепко меня обняла. Я плакала и просила прощения, а она шептала, что они просто очень сильно испугались, что я вылезла раньше времени, и что это очень важно. Я пообещала, что больше никогда-никогда не выйду без сигнала.

Папа смотрел мимо нас — куда-то в сторону — и молчал.

После этого мама сказала, что отведёт меня на кухню и накормит. Я спросила, почему папа поливает крыльцо и что там за красное пятно с какими-то кусочками. Мама вздрогнула и сказала, что «разбила банку с вареньем, и папа сейчас всё вымоет», и что «всё будет хорошо».

Я расстроилась — варенье я любила.

Когда мы пили на кухне чай, мама всегда ставила передо мной кружку с мишкой и давала мне ложку варенья. Я брала ложку, зубами ухватывала ягоду. Ароматный вкус кисло-сладкой вишни растекался во рту. Когда ягоды заканчивались, я клала ложку с остатками варенья в чай и размешивала, чтобы он стал сладким. Я жадно делала большой глоток. Горячо — язык щипало, я ду-у-у-у-ла и снова пила. На языке становилось сладко, а в животике — тепло.

Я очень любила чай с вареньем, а мама с папой варенье никогда не ели. Наверное, взрослые просто не любят сладкое. Поэтому, когда мама сказала, что банка разбилась, я,

конечно, расстроилась, но не заплакала.

Потом мама кормила меня пюре с тушёной, а когда папа помыл крыльцо, мы вместе пили чай на кухне.

Вот только мама снова дала мне ложку вишнёвого варенья.

И я видела банку. Она была целой. Она стояла на полке, где и всегда, будто её никто и не разбивал.

Я хотела спросить, почему мама сказала, что банка варенья разбилась...

...но не спросила.

А то вдруг папа опять рассердится или захочет снова поиграть в прятки.

Поэтому я просто тихо допила чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.